

А. И. Тузбеков

ГОРОД-ГОРА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ БАШКОРТОСТАНА

УДК 903.43(470.57)

ББК 63.442.7(235.55)+63.444(235.55)

Памятники археологии, находящиеся вблизи современных населенных пунктов, являются одним из базовых элементов конструирования и визуализации образов прошлого для населения. Ввиду яркой выраженности в рельефе фортификационных сооружений, наиболее широкую известность приобрели в первую очередь городища. Этносы, проживающие в Урало-Поволжье, в большинстве своем именуют их Городом-горой и имеют различные представления об их происхождении. Как правило, население ассоциирует городища с периодом освоения территории предками или же с народами, проживавшими здесь ранее, но впоследствии исчезнувшими. В этой связи особый интерес представляют предания, легенды и мифы, которые являются дополнительным источником информации для изучения как отдельно взятого археологического памятника, так и культурного ландшафта региона в целом. Часть современных исследователей, увлекаясь широко распространенными среди населения мифами и легендами, уделяют им большое внимание, другие же, наоборот, скептически относятся к этим данным и не учитывают их, когда делают окончательные выводы. В рамках статьи определяется место и роль укрепленных поселений раннего железного века и средневековья, именуемых Город-гора (Калатау, Каргурезь, Ола-Курук, Хула ту, Ош-Пандо и т. д.) в культурном ландшафте Башкортостана. На основе картографирования, сравнительно-сопоставительного анализа с другими регионами Урало-Поволжья, соотношения населенных пунктов и городищ в рельефе, опроса жителей выявляется характер восприятия и интерпретации археологических памятников населением.

Ключевые слова: *археологический памятник, культурный ландшафт, городище, Город-гора*

Ландшафт каждого региона, в том числе и Башкортостана, составляет одну из разновидностей не только природного, но и историко-культурного наследия населяющих его народов. Он содержит богатую информацию об истории и культуре местных жителей, их старинных традициях и верованиях, историческом сознании, о межэтнических и межконфессиональных контактах обитателей края.¹ Одним из элементов историко-культурного ландшафта Башкортостана являются городища, расположенные на возвышенностях, вблизи населенных пунктов, именуемые населением Калатау (башк., тат.), Каргурезь (удм.), Ола-Курук (мар.), т. е. Город-гора.

Существующий в отечественной науке этнокультурный подход к анализу культурного ландшафта трактует его как культурную среду этнического сообщества, сформировавшуюся в определенных природно-географических условиях, в дальнейшем спроецированную на исто-

рическую память населения. Так, В. Н. Калущиков в качестве составных частей культурного ландшафта выделяет мифологию места, духовную культуру, местный фольклор, восприятие местным сообществом своих традиций и т. д.²

Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти, а именно как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память — не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.³ Поэтому исследователи при изучении определенных явлений

¹ См.: Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / Н. И. Шутова [и др.]. Ижевск, 2009. С. 4.

Тузбеков Айну́р Ильфа́тович — к.и.н., н. с. отдела археологического наследия Южного Урала, Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)
E-mail: tuzbek.80@mail.ru

² См.: Дахин С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187, 188.

³ См.: Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М., 2003. С. 10.

и мест памяти допускают использование данных, хранящихся в исторической памяти населения. Так, в одной из значимых работ Л. П. Репиной, посвященных проблеме памяти, говорится, что «социальная память — это еще и источник знания, она не только обеспечивает набор категорий, посредством которых некая группа неосознанно ориентируется в своем окружении, она дает также этой группе материал для сознательной рефлексии. Это значит, что определить отношение групп к своим традициям можно задавая вопрос: как они интерпретируют и используют их в качестве источника знания».⁴

При изучении исторической памяти необходимо обратить внимание на один из важных механизмов ее формирования — создание мест памяти. В мемориальной историографии получило развитие представление о том, что образы прошлого не могут существовать без мест памяти, так как им необходима конкретная форма фиксации, на базе которой они могут сформироваться. В этом отношении места памяти являются одним из базовых элементов конструирования и визуализации образов прошлого.⁵

Археологи, этнографы, фольклористы, религиоведы, проводя полевые исследования в регионах Урало-Поволжья, по крупицам собирают материалы, хранящиеся в исторической памяти населения, но собранные данные, как правило, остаются достоянием лишь их коллег и не накладываются на материалы, имеющиеся у исследователей других направлений или дисциплин.

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии все большую актуальность приобретают исследования, связанные с вопросами соотношения исторической памяти, топонимии и археологических памятников. Так, в работе Э. Крюбези и Л. Г. Романовой рассматривается роль топонимии в археологии на примере названий разных ландшафтов на территории Якутии, где были проведены археологические раскопки погребений XVII–XVIII вв.⁶ Н. И. Шутова анализирует место и значение археологических памятников в культурном пространстве Камско-Вятского региона в средневековье, новое и новейшее время.

Реконструкция культурного ландшафта выполнена с привлечением археологических, фольклорно-этнографических данных, сведений письменной истории, микротопонимов, географических, экологических и биологических показателей.⁷ К. А. Руденко, изучая болгарские святилища XI–XIV вв., использует в своих исследованиях как данные археологии, так и фольклорный материал, топонимы и связанные с ними легенды и поверья.⁸ В. Г. Котов, исследуя духовную и материальную культуру народов Южноуральского региона, проживавших в древности, уже не раз обращался к фольклору, мифологии, башкирским историческим и героическим эпосам.⁹ В работах Н. А. Мажитова неоднократно отмечалось использование данных исторической памяти местных жителей для поиска ранее неизвестных науке городищ на территории Башкортостана.¹⁰ С. А. Штырков в монографии, посвященной историческим преданиям об иноземном нашествии, записанным в последние десятилетия в деревнях Восточной Новгородчины, анализирует рассказы и ритуальные практики крестьян, проживающих рядом с курганными могильниками периода средневековья в разных регионах, в том числе и на Урале.¹¹ А. Г. Селезнев рассматривает предания и легенды тобольско-иртышских татар (астана), связанные с исламскими святилищами, сформировавшимися вблизи археологических объектов, а также разнообразные интерпретации археологических материалов, которые часто служат базой, на которой строится мифология истории, новые идеологии и обрядовая практика.¹² Легенды и

⁷ См.: Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. С. 4.

⁸ См.: Руденко К. А. Булгарские святилища XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 36–66.

⁹ См.: Котов В. Г. Башкирский эпос Урал-батыр. Историко-мифологические основы Уфа, 2006.

¹⁰ См.: Мажитов Н. А. О древнейшем этнокультурном компоненте в этногенезе башкирского народа // Вестн. Башкир. унта. 2012. Т. 17, № 3. С. 1440–1442.

¹¹ См.: Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012; Он же. «Святые без житий» и будущие родители: церковная канонизация и народная традиция // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. Сэфер. М., 2001. Вып. 7. С. 130–155.

¹² См.: Селезнев А. Г. Исламские культовые комплексы астана в Сибири как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 111–119; Селезнев А. Г., Селезнева И. А. Археологические памятники и новые сакральные пространства: иеротопия, хронотоп и глобальная информационная среда // Урал. ист. вестн. 2017. № 1 (54). С. 135–143.

⁴ Там же. С. 24, 25.

⁵ См.: Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.

⁶ См.: Романова Л. Г., Крюбези Э. Связь топонимии и археологии: на примере якутских топонимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 12, ч. 1. С. 146–149.

предания башкир на Южном Урале, связанные с почитанием «могил святых» на археологических памятниках, изучены З. Г. Аминевым.¹³ С. С. Соковиков анализирует разнообразные социокультурные контексты, возникающие «вокруг» археологических памятников.¹⁴

В большинстве вышеупомянутых работ топонимы, предания, легенды и мифы, бытующие среди жителей региона, связанные с археологическими памятниками, являются дополнительным источником информации при изучении археологических и этнографических объектов. Однако некоторые исследователи, увлекаясь широко распространенными среди населения мифами и легендами, уделяют им большое внимание, некоторые же, наоборот, скептически относятся к этим данным и не учитывают их, формулируя окончательные выводы.

Любопытен опыт зарубежных ученых, исследующих проблемы соотношения исторической памяти и археологических памятников в отдельных регионах. Например, словенский археолог К. В. Хробат рассматривает потенциал устной традиции (фольклора) в археологическом исследовании прошлого. Изучая предания, легенды, ритуальные практики, культы, суеверия, связанные с отдельными объектами в ландшафте, ученый пытается соотнести их с данными археологии. По ее мнению, на основе полученных данных можно проследить трансформацию древних культов, ритуальных объектов и верований, а с помощью сопоставления материалов топонимии и исторической памяти населения региона можно выявить новые, ранее неизвестные науке памятники истории.¹⁵ В работе португальской исследовательницы Александры Виейры рассматривается связь топонимии с археологическими памятниками региона. В качестве элемента, необходимого для понимания истории и культуры

народа, она предлагает рассматривать данные, полученные в результате наложения материалов лингвистики и археологии. По ее мнению, название географического объекта сформировалось в результате особых событий, которые проецировались на объект и в дальнейшем сохранилось в исторической памяти населения региона. Она считает, что топонимы могут многое рассказать о прошлом изучаемой местности, или же, по крайней мере, дать сигнал археологам, сужая регион поиска, или указать на примерное местоположение разрушенного археологического памятника.¹⁶

В результате анализа материалов краеведов XIX в., научных статей, отчетов археологов и этнографов предшествующих лет, а также в ходе экспедиционных выездов в 2014–2016 гг. сотрудниками Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УНЦ РАН было выявлено, что большинство памятников археологии, находящихся вблизи населенных пунктов, было известно населению, в особенности городища, имеющие выраженные в рельефе фортификационные сооружения. Практически все из них именуется местными жителями Калатау (Город-гора) и сохраняются в их исторической памяти как укрепленные пункты, в которых проживали ханы, правители территорий или же население, жившее здесь ранее, но не являвшееся их предками. Одним из наиболее ранних упоминаний о городищах, связанных с топонимом Калатау, является статья А. Ф. Комова. Он описал 16 археологических памятников, большинство из которых именовалось Калатау. Автор указывает на местонахождение памятников и фиксирует легенды и предания, относящиеся к описываемым городищам и курганам.¹⁷ А. Васильев обращает внимание на существование вблизи ряда населенных пунктов Татышлинского района на возвышенностях археологических памятников, именуемых Калатау и Каргурезь.¹⁸ На основании многолетних исследований Н. А. Мажитов сделал вывод о том, что в Урало-Поволжье в раннежелезном веке в массовом порядке появляются укрепленные высокими земляными стенами и рвами городища-крепости, известные местному башкирскому населению

¹³ См.: Аминев З. Г. О поклонении башкирами-мусульманами могилам святых (эүлиә) // Зайнулла Расулев — выдающийся башкирский мыслитель — философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (5–7 июня 2008 г., г. Уфа). Уфа, 2008. С. 10–15; Он же, Ямаева Л. А. Региональные особенности ислама у башкир. Уфа, 2009; Он же. Абдулкадир Инан о камне яда и об обрядах вызывания дождя // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии. (К 100-летию со дня рождения): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Уфа, 2014. С. 249–251.

¹⁴ См.: Соковиков С. С. Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника (начало) // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2014. № 1 (37). С. 32–38.

¹⁵ См.: Hrobat K. Use of oral tradition in archaeology: the case of Ajdovščina above Rodik, Slovenia // *European Journal of Archaeology*. 2007. Vol. 10 (1). P. 31–56.

¹⁶ Vieira A. A Arqueologia e a Toponímia — uma abordagem preliminary // *Al-Madan Online*. 2016, № 21, t. 1. pp. 87–94.

¹⁷ См.: Комов А. Ф. Памятники старины в середине северной половины Бирского уезда (публикация и комментарии И. М. Акбулатова) // *Река времени*. 2015. Уфа, 2015. С. 157–163.

¹⁸ См.: Васильев А. Археологические памятники на территории района // *Ватандаш*. Уфа, 1997. № 12. С. 27–28.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДИЩ ПО РАЙОНАМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Район	Кол-во городищ	Район	Кол-во городищ
Бирский	30	Ишимбайский	3
Илишевский	14	Мелеузовский	3
Татышлинский	13	Мишкинский	3
Гафурийский	12	Караидельский	2
Уфимский	12	Кармаскалинский	2
Иглинский	11	Мечетлинский	2
Янаульский	10	Нуримановский	2
Благовещенский	10	Чишминский	2
Дюртюлинский	9	Архангельский	1
Бураевский	8	Аургазинский	1
Краснокамский	8	Благоварский	1
Бакалинский	7	Кугарчинский	1
Калтасинский	7	Салаватский	1
Дуванский	5	Стерлитамакский	1
Кушнаренковский	5	Туймазинский	1
Балтачевский	4	Чекмагушевский	1
Аскинский	3	Шаранский	1

под названием «кала». Время их появления и значение термина «кала» полностью совпадают с аналогичным явлением на юге Средней Азии (Хорезмийский оазис). Это позволяет заключить, что появление городищ-крепостей в Урало-Поволжье тесно связано с влиянием Хорезма.¹⁹ М. Г. Атаманов, также обратив внимание на укрепленные поселения вблизи населенных пунктов, именуемые удмуртами Каргурезь, сделал вывод о том, что «археологические памятники — городища — караабызско-бахмутинского круга, расположенные в северо-западных и центральных районах Башкортостана и прилегающих к нему восточных районах Татарстана, именующиеся Калатау, оставлены древнеудмуртским племенным объединением калмез, родственному населению, создавшему чегандинско-мазунинский круг памятников». Он предполагает, что названия городищ на территории Удмуртии (Каргурезь) и Башкортостана (Калатау) родственны: «башкирское название возникло путем калькирования удмуртского Каргурезь — городищенская гора (так же, как башк. Агидель 'белая великая река' является калькой удм. Тодьы Кам — 'белая великая река')».²⁰ А. А. Камалов и Ф. У. Камалова в ходе изучения

топонимии Башкортостана сделали вывод о том, что древние городища, именуемые населением Калатау, принадлежали башкирскому населению, а распространение данного топонима указывает на то, что оставившие эти городища башкиры в древности обитали по обоим берегам реки Агидель (Белая).²¹

В рамках статьи попытаемся определить место и роль археологических памятников, именуемых Город-гора (Калатау, Каргурезь, Ола-Куррук), в культурном ландшафте Башкортостана и выяснить характер их восприятия и интерпретации местным населением.

Ход исследования

1. Ввиду существенных различий во взглядах исследователей на происхождение топонима Город-гора и связанных с ним городищ нами был проведен анализ научно-справочной литературы, содержащей данные по большинству выявленных на территории Республики Башкортостан археологических памятников.²² В результате установлено, что всего здесь зафиксировано 196 городищ (табл. 1).

¹⁹ См.: Камалов А. А., Камалова Ф. У. Атайсал. Уфа, 2001. С. 62, 63.

²⁰ См.: Археологическая карта Башкирии. М., 1976; Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996; Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971–1980 гг. Уфа, 1982; Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981–1986 годы: каталог. Уфа, 1988; Свод археологиче-

¹⁹ См.: Мажитов Н. А. Указ. соч. С. 1442.

²⁰ Атаманов М. Г. Из истории Староигринского городища Каргурезь // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2013. Вып. 2. С. 86–94.

Таблица 2

ГОРОДИЩА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН,
ИМЕНУЕМЫЕ НАСЕЛЕНИЕМ ГОРОД-ГОРА

п/п	Название городища	Эпоха	Топоним	Расстояние от н. п., км
1	Акбердинское	СРВ*	Кыз Калатау	2,5
2	Караякуповское	СРВ	Калатау	0,9
3	Старокалмашевское	СРВ	Калатау	2,0
4	Турналинское	СРВ	Калатау	1,5
5	Старохашиловское	СРВ	Кыз Калатау	0,2
6	Камеевское	СРВ	Ола-Курук	0,6
7	Баразинское	СРВ	Калатау	0,5
8	Имянево-1/Калатау	СРВ	Калатау	1,2
9	Юмакаевское	СРВ	Калатау	0,2
10	Кудашевское	СРВ	Калатау	1,5
11	Бустанаевское	СРВ	Калатау	1,5
12	Кансиярское	СРВ	Калатау	0,4
13	Урское	СРВ	Калатау	1,5
14	Новотатышлинское	СРВ	Каргурезь	1,0
15	Кальтяевское	СРВ	Калатау	2,0
16	Чоргильдинское	СРВ	Калатау	1,0
17	Шульгановское	СРВ	Калатау	1,5
18	Югомашевское-1	СРВ	Калатау	0,5
19	Таулинское	СРВ	Калатау	1,5
20	Месягутовское	СРВ	Калатау	2,0
21	Краснохолмское	СРВ	Калатау	1,5
22	Исхаковское	СРВ	Калатау	1,0
23	Чишминское	РЖВ**	Калатау	0,5
24	Юлдуз	РЖВ	Калатау	0,7
25	Старо Муштинское	РЖВ	Кыз-Калатау	1,0
26	Тра-Тау	РЖВ	Калатау	2,0

* СРВ — средневековье.

** РЖВ — ранний железный век.

На основе существующих данных выявлено 26 археологических памятников, содержащих в описании топоним Город-гора (табл. 2).

На основе анализа литературы установлено, что практика наименования городищ топонимом Город-гора и бытование легенд и мифов, связанных с такими местами, присущи не только башкирам и татарам как ранее отмечалось Н. А. Мажитовым, но и другим этносам региона: так, удмуртами они именуется Каргурезь, марийцами — Ола-Курук, чувашами — Хула ту (Хола ту, Хола соче и др.), мордвой — Ош-Пандо.

2. Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа был подготовлен перечень (табл. 3) и осуществлено картографирование

всех археологических памятников Урало-Поволжья, имеющих в описании название Город-гора (в различных вариациях).

Установлено, что на территории Пермского края, Самарской области, Удмуртской Республики, Республики Татарстан, Чувашской Республики, Республики Мордовия расположено 48 городищ, в описании местонахождения которых содержались слова «город» (крепость) и «гора» (возвышенность, высокое место, холм и т. д.). Большинство рассмотренных городищ имеют ярко выраженные в рельефе фортификационные сооружения (валы, рвы) и относятся к различным культурам — от позднего периода раннего железного века до позднего средневековья.

В описании укрепленных поселений Удмуртии указывается, что их сооружение, а иногда

Таблица 3

ГОРОДИЩА НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ, ИМЕНУЕМЫЕ НАСЕЛЕНИЕМ ГОРОД-ГОРА

п/п	Название	Эпоха	Топоним	Регион	Расстояние от н. п., км
1	Сарашинское	РЖВ	Калатау	Пермский край	0,6
2	Саузовское (Бельский Шихан)	РЖВ	Калатау	Удмуртия	6,0
3	Ныргындинское I	СРВ	Ола-Курук	Удмуртия	1,4
4	Дебесское	СРВ	Каргурезь	Удмуртия	2,0
5	Варнинское-2	СРВ	Каргурезь	Удмуртия	1,0
6	Бобья-Учинское	СРВ	Каргурезь	Удмуртия	1,7
7	Варзиятчинское	СРВ	Каргурезь	Удмуртия	1,5
8	Кузебаевское-I	СРВ	Каргурезь	Удмуртия	1,0
9	Старо Игринское	СРВ	Каргурезь	Удмуртия	0,1
10	Краснокадкинское	СРВ	Калатау	Татарстан	2,0
11	Щербеньское I	СРВ	Калатау	Татарстан	0,1
12	Чаллыньское	СРВ	Калатау	Татарстан	0,5
13	Утернясское	СРВ	Калатау	Татарстан	0,7
14	Айшиязское	СРВ	Калатау	Татарстан	1,2
15	Ташкирменское	СРВ	Калатау	Татарстан	0,1
16	Старо Янашевское	СРВ	Хула выране	Чувашия	3,0
17	Чешламинское	РЖВ	Хола йоппи	Чувашия	3,0
18	Катергинское	РЖВ	Хула сюч	Чувашия	1,5
19	Шималаховское	РЖВ	Хола ту	Чувашия	0,5
20	Карабашское	СРВ	Карман ту	Чувашия	2,0
21	Ящеринское	РЖВ	Хола сорт сӓрчӓ	Чувашия	0,4
22	Яндашевское	РЖВ	Киве хула выране	Чувашия	2,0
23	Большекамаевское	РЖВ	Хола ту	Чувашия	1,0
24	Ирхсирмыронгинское	РЖВ	Хола выране	Чувашия	1,0
25	Вурмерское	РЖВ	Хола выране	Чувашия	0,5
26	Липсерское	РЖВ	Хола ту	Чувашия	0,5
27	Акташкасинское	Не установл.	Карман ту	Чувашия	0,2
28	Второтойзинское	РЖВ	Хула ту	Чувашия	1,0
29	Ивановское	РЖВ	Хула выране	Чувашия	4,0
30	Шибылгинское	РЖВ	Хула выране	Чувашия	0,5
31	Кюстюмерское 2-е	РЖВ	Хула сирми	Чувашия	1,5
32	Досаевское	РЖВ	Хула ту	Чувашия	0,5
33	Большешатъминское	РЖВ	Хола вырӓнӓ	Чувашия	1,2
34	Эндимиркасинское	РЖВ	Хула ту	Чувашия	0,2
35	Кадикасинское	РЖВ	Хола ту сӓрч	Чувашия	0,1
36	Юнгапоськое	РЖВ	Хула вар	Чувашия	1,8
37	Изванкинское	РЖВ	Хула сюч	Чувашия	0,1
38	Кармальское	РЖВ	Хула ту	Чувашия	0,5
39	Пизенерское	РЖВ	Хола соче	Чувашия	1,0
40	Тури-Вильское	РЖВ	Хула суче	Чувашия	0,1
41	Пояндайкинское	РЖВ	Хола сюч	Чувашия	0,7
42	Николаевское	РЖВ	Хула сюч	Чувашия	1,0
43	Тоганашское	РЖВ	Хула сюч	Чувашия	0,4
44	Калугинское	РЖВ	Хула суче	Чувашия	0,4
45	Пчелкинское	РЖВ	Хула сюзми	Чувашия	2,5
46	Дубовское	РЖВ	Карман ту	Чувашия	3,5
47	Сайнинское	СРВ	Ош-Пандо	Мордовия	0,9
48	Ош-Пандо-Нерь	СРВ	Ош-Пандо-Нерь	Самарская область	1,3

и возникновение самой горы/возвышенности, рассматривалось как результат деятельности легендарных богатырей — могущественных предков.²³ В этой связи среди населения распространена традиция названия городищ именами легендарных богатырей (Джутэмкар, Уччакар и др.). Большинство легенд о городищах, бытующих среди населения Башкортостана и Татарстана, связано с ханами, с членами их семьи и потомками.

3. Картографирование вышеупомянутых памятников дало возможность установить, что практически все городища расположены вблизи современных населенных пунктов (на расстоянии не более 2 км). Большинство их сконцентрировано в северной и северо-западной части Башкортостана и в северной части Чувашии, что, скорее всего, связано с концентрацией укрепленных поселений позднего периода раннего железного века и средневековья именно в этих частях двух регионов.

4. Для установления соотношения населенного пункта и городищ, именуемых Город-гора, в рельефе использована карта для определения высоты местности и профиля высот с учетом кривизны земли (ресурс <http://22dx.ru/online/karta-vy-sot>). На карту нанесена условная ось, проведенная от точки Н до точки К. Исходной точкой Н стал центр населенного пункта, наиболее близко расположенного к памятнику. Для соотнесения местонахождения городища с прилегающей территорией конечная точка К выносилась за пределы городища на 0,5–1,0 км. В результате было установлено, что все рассмотренные нами укрепленные поселения на территории Башкортостана находятся в прямой видимости от современного населенного пункта, на вершинах господствующих высот или отдельно стоящих возвышенностей.

Для выявления характера восприятия и интерпретации населением городищ, именуемых Город-гора, был проведен опрос 24 жителей среднего и пожилого возраста деревень Шульганово, Салихово, Югамашево, Новые Татышлы, села Верхние Татышлы Татышлинского и Янаульского районов Республики Башкортостан. В результате было выявлено, что жители указанных населенных пунктов довольно равнодушно относятся к судьбе археологических памятников, хотя знают о них гораздо больше,

чем обычно предполагалось археологами. Интересна интерпретация населением Новотатышлинского и Кальтыяевского городищ (на момент исследования разрушены). В ходе опроса было установлено, что население деревни Новые Татышлы, преимущественно удмурты, Новотатышлинское городище именуют Каргурезь, а жители села Верхние Татышлы, преимущественно башкиры и татары, Кальтыяевское — Калатау. Несмотря на близость двух памятников (они находятся на расстоянии 4 км друг от друга) и принадлежность обоих городищ к бахмутинской культуре, названия Калатау и Каргурезь не пересекаются: жители деревни Новые Татышлы не называют Кальтыяевское городище Каргурезь, а Верхнетатышлинцы — Новотатышлинское городище Калатау. Ввиду того что этнический состав населенных пунктов разный, данный пример ярко характеризует то, как памятники, относящиеся к одной и той же культуре, могут иметь разные наименования и быть осмыслены по-разному.²⁴

Население Башкортостана, Чувашии и Удмуртии, где находится большинство упомянутых выше памятников, считает их неблагоприятным, «нечистым» местом, нахождение на котором требует задабривания злых духов или же выполнения мусульманского обряда, чтобы уберечься от злых сил, что сходно с традицией русского населения считать городища местами обитания нечистой силы (Чертово городище). К. А. Руденко, характеризуя археологические памятники Татарстана, отмечает, что места многих древних поселений в силу каких-то причин до недавнего времени у местного населения считались запретными для какой-либо хозяйственной деятельности, причем этого правила придерживалось как русское, так и татарское население.²⁵

Выводы

Издавна население, осваивая территории, прилегающие к населенному пункту, и находя на возвышенностях (в прямой видимости от места проживания) выделяющиеся в рельефе фортификационные сооружения и предметы древности, включало их в сферу своего познания. Местные жители наделяли памятник

²³ См.: ШUTOVA Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. С. 240.

²⁴ Полевые материалы экспедиции автора в д. Шульганово, с. Верхние Татышлы Татышлинского р-на РБ и д. Салихово, Югамашево Янаульского р-на РБ, август 2016 (блокнот 1).

²⁵ См.: Руденко К. А. Булгарские святилища XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона: материалы и исследования: сб. ст. Ижевск, 2004. С. 63.

легендами и мифами вне зависимости от того, к какой археологической культуре он принадлежал. Люди пытались объяснить его возникновение в рамках собственного мировоззрения, включали памятник в свою историческую память.

В результате исследования установлено, что наименование городищ топонимом Город-гора обусловлено потребностью населения в ориентации в пространстве и в маркировании территории, прилегающей к населенному пункту, и является традицией, широко распространенной не только среди народов Башкортостана, но и в целом в Урало-Поволжье. Эти городища являются отправными точками и локальными ориентирами. Посещение памятников в туристических, научных и культурных целях дополнительно концентрирует

на них внимание общественности. Благодаря этому археологические объекты могут играть исключительную роль в оформлении восприятия национальной территории.²⁶

Практически все рассмотренные городища были известны местным жителям, которые не раз бывали на памятниках, интересовались результатами раскопок, а также хранили память об особенностях данного места. Некоторые из местных жителей в юности пытались найти артефакты на памятниках. Возможно, знакомство подростков с городищами имело существенное значение для освоения ими «своей» территории. Таким образом, в процессе самоидентификации каждого поколения местных жителей роль памятников археологии, по-видимому, была достаточно существенна, что требует специального изучения.²⁷

Ainur I. Tuzbekov

Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnological Studies, Ufa Scientific Center of the RAS (Russia, Ufa)

E-mail: *tuzbek.80@mail.ru*

MOUNTAIN-TOWN IN THE CULTURAL LANDSCAPE OF BASHKORTOSTAN

The archaeological sites, located near modern settlements, are one of the basic elements of designing and visualizing images of the past for the population. Due to the fact that the fortifications are strongly pronounced in the relief, ancient settlements have gained the greatest popularity among the population. The ethnic groups living in the Ural-Volga region, for the most part, call them the Mountain City and have their own opinion about the origin of these settlements. Legends and myths associated with them serve as an additional source of information in their study. The article deals with determination of the place and role of fortified settlements of the early Iron Age and the Middle Ages, called the City-Mountain (Kalatau, Kargurech, Ola Kuruk, etc.) in the cultural landscape of Bashkortostan. Based on mapping, comparative analysis with other regions of the Ural-Volga region, correlation of modern and ancient settlements in the relief and survey of the local residents, the article aims to reveal the character of perception and interpretation of archaeological sites by the population.

Keywords: *archaeological sites, cultural landscape, fortfield, mountain-town*

REFERENCES

- Aminev Z. G. [Abdulkadir Inan about the stone of poison and about the rituals of causing rain]. *Akhnaf Kharisov i aktualnye problemy bashkirskoy filologii: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Akhnaf Harisov and actual problems of Bashkir philology: materials of the All-Russian scient.-pract. conf.]. Ufa, 2014, pp. 249–251. (in Russ.).
- Aminev Z. G. [On the worship of Muslim Bashkirs by the graves of saints]. *Zaynulla Rasulev — vydayushchiysya bashkirskiy myslitel — filosof, teolog i pedagog-prosvetitel musulmanskogo mira: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Zainulla Rasulev — an outstanding Bashkir thinker — philosopher, theologian and educator of the Muslim world: materials of the Intern. scient.-pract. conf.]. Ufa: RITs BGU Publ., 2008, pp. 10–15. (in Russ.).
- Aminev Z. G., Yamaeva L. A. *Regionalnye osobennosti islama u Bashkir* [Regional features of Islam among the Bashkirs]. Ufa: Dizayn-PoligrafServis Publ., 2009, 184 p. (in Russ.).
- Arkheologicheskaya karta Bashkirii* [Archaeological map of Bashkortostan]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 267 p. (in Russ.).
- Arkheologicheskie pamyatniki Bashkortostana* [Archaeological sites of Bashkortostan]. Ufa: Gilem Publ., 1996, 280 p. (in Russ.).

²⁶ См.: Михайлов Д. А. Археологические места социальной памяти // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 394. С. 123.

²⁷ См.: Кренке Н. А. Археологические памятники Подмосквья в контексте культуры XV–XX вв. // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 254.

- Atamanov M. G. [From the history of the Starogryn ancient settlement of Kargurez]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugrian Studies]. Izhevsk: UdGU Publ., 2013, iss. 2, pp. 86–94. (in Russ.).
- Dakhin S. D. [Historical and cultural landscape as a basis for the complex analysis of the material and cultural heritage of a multiethnic region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 3, pp. 187–188. (in Russ.).
- Dmitrieva O. O. [Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts in domestic science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 6 (361), History, iss. 63, pp. 132–137. (in Russ.).
- Hrobat K. Use of oral tradition in archaeology: the case of Ajdovščina above Rodik, Slovenia. *European Journal of Archaeology*, 2007, vol. 10 (1), pp. 31–56. (in English).
- Kamalov A. A., Kamalova F. U. *Ataysal* [Ataysal]. Ufa: Kitap Publ., 2001, 544 p. (in Russ.).
- Komov A. F. [Sites in the middle of the northern half of Birk County]. *Reka vremeni. 2015* [The River of Time. 2015]. Ufa: IYAL UNTs RAN Publ., 2015, pp. 157–163. (in Russ.).
- Kotov V. G. *Bashkirskiy epos Ural-batyr. Istoriko-mifologicheskie osnovy* [Bashkir epos Ural-batyr. Historical and mythological foundations]. Ufa: Gilem Publ., 2006, 408 p. (in Russ.).
- Krenke N. A. [Archaeological sites around Moscow in the context of culture of the 15th–20th centuries]. *Kultura srednevekovoy Moskvyy XIV–XVII vv.* [Culture of medieval Moscow in 15th–17th centuries] Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 250–270. (in Russ.).
- Mazhitov N. A. [On the oldest ethno-cultural component in the ethnogenesis of the Bashkir people]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2012, vol. 17, no. 3, pp. 1440–1442. (in Russ.).
- Mikhailov D. A. [Archaeological place of social memory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal of History], 2015, no. 394, pp. 121–126. (in Russ.).
- Repina L. P. *Kulturnaya pamyat i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. Moscow: GU VShE Publ., 2003, 44 p. (in Russ.).
- Romanova L. G., Kryubezi E. [The connection between toponymy and archaeology: on the example of Yakut toponyms]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota Publ., 2016, no. 12, part 1, pp. 146–149. (in Russ.).
- Rudenko K. A. [The Bulgarian sanctuaries of the 11th–14th centuries. (on archaeological materials)]. *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya* [Religious Monuments of the Kama-Vyatka Region: Materials and Research]. Izhevsk: UIYAL UrO RAN Publ., 2004, pp. 36–66. (in Russ.).
- Seleznev A. G. [Islamic Siberian cult complexes of astana as hierotopy: sacral spaces and religious identity]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and etnografy], 2013, no. 2 (21), pp. 111–119. (in Russ.).
- Seleznev A. G., Selezneva I. A. [Archaeological objects and new sacral spaces: hierotopy, chronotope and global information environment]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 1 (54), pp. 135–143. (in Russ.).
- Shtyrkov S. A. [“Saints without lives” and forgetting parents: church canonization and folk tradition]. *Koncept chuda v slavyanskoy evrejskoj kul'turnoj traditsii. Akademicheskaya seriya* [The concept of a miracle in the Slavic and Jewish cultural tradition]. Moscow: Sefer Publ., 2001, vol. 7, pp. 130–155. (in Russ.).
- Shtyrkov S. A. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krestyanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoy Novgorodchiny)* [Traditions about foreign invasion: peasant narrative and landscape mythology (on materials of the North-Eastern Novgorod region)]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2012, 228 p. (in Russ.).
- Shutova N. I. *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoy religioznoy traditsii: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Re-Christian cult sites in the Udmurt religious tradition: the experience of comprehensive research]. Izhevsk: UdIYAL UrO RAN Publ., 2001, 304 p. (in Russ.).
- Shutova N. I., Kapitonov V. I., Kirillova L. E., Ostanina T. I. *Istoriko-kulturnyy landshaft Kamsko-Vyatskogo regiona* [Historical and cultural landscape of the Kamsko-Vyatka region]. Izhevsk: UIYAL UrO RAN Publ., 2009, 244 p. (in Russ.).
- Sokovikov S. S. [Problems of historical memory and relevant sociocultural contexts of the archaeological monument]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv* [Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2014, no. 1 (37), pp. 32–38. (in Russ.).
- Vasilev A. *Arheologicheskie pamyatniki na territorii rajona* [Archaeological sites on the territory of the district]. *Vatandash* [Journal Vatandash]. Ufa: Publishing House “Republic of Bashkortostan” Publ., 1997, no. 12, pp. 27–28. (in Russ.).
- Vieira A. *A Arqueologia e a Toponímia — uma abordagem preliminary* [Archeology and Toponymy — a preliminary approach]. Al-Madan Online, 2016, no. 21, vol. 1, pp. 87–94. (in Portuguese).